

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148

«Колыбельная»

Германа Занадворова ЕЩЕ ДОВОДЫ, оснащенные примерами и событиями, смею думать, украшающие мою судьбу.

Вечер поэтессы Дины Терешенко в педагогическом институте Магнитогорска. Должно быть, это конец 1950 годов. Татьяна Леонидовна Занадворова, кандидат филологии, в перерыве озадачила меня (только что мы разговаривали о творчестве Владислава).

— А у меня был другой брат, Герман, тоже писатель, — призналась она. — Вы о нем навряд ли слышали. Он тяжело страдал ревмокардитом и еще задолго до Отечественной войны переехал на Украину. Так что у нас на Урале мало кто помнит о нем. В основном он занимался журналистикой. Работал в Челябинской железнодорожной газете «На стальных путях», а в свободное время писал стихи и рассказы.

Я взял у Татьяны Леонидовны рассказы Германа Занадворова «Была весна», «Дума о Калашникове», «Колыбельная» и главы неназванного им романа. Прочитал без промедления, ведомый предчувствием: в том, что Герман Занадворов остается неизвестным людям, скрыта ненормальная несправедливость. Так и оказалось. Передо мной предстал исключительный писатель!

Наша война с немецкими фашистами и европейскими их приспешниками, в которую были втянуты необозримые миллионы батальных судеб, во многом остается незапечатленной. Те, кто мог бы о ней написать с огромной неохватностью, погибли («В земле войны остаются лучшие», — мысль Кости Кукурузина, убитого в Берлине; роман «Юность в Железнодорожке»). Те, кто сохранился, был закручен смерчевой силой забот по возвращению к жизни безгранично разрушенных войной городов, деревень, заводов, мастерских... Те, кто изображал во время войны войну, зачастую не были сами участниками боев и сражений, отсюда поверхностность и скользкая правда. Тем из советских фронтовиков, кто взялся изображать эпоху крови, крушение души и духовности, страха и героизма, смерти и бессмертия, — стала перекрывать пути, сминать долю руководящая партийная идеология: надо писать не о минувшей трагедии, а о восстановлении народного хозяйства.

На пределе правды

Затрагивая историю литфондовой помощи Литинституту, я упомянул, как газета «Комсомолка» обрывала голоса начинающих поэтов: Виктора Гончарова, Григория Хейфеца, Григория Поженяна. Раньше критической экзекуции такого типа подвергались ученики Леонида Леонова — Николай Евдокимов за книгу рассказов «Конец ночи» и Константина Паустовского — Лев Кривенко за повесть в калининском альманахе. Били и учеников, и

знаменитых их учителей: устрашали и молодых, и зрелых.

Пребывание Германа Занадворова в оккупации освобождало от идейно-художественной зависимости, созданной Сталиным и его сателлитами. Предоставленность самому себе даже в условиях плена — незыблемое основание для личной воли: ты сам себе держава, государство, повелитель эстетики. Эту волю и закрепощал новый порядок: то, что он был смертельно опасным, увеличивало сопротивление, ибо писатель в одиночестве или почти в одиночестве противостоял ему.

Герман Занадворов был коммунистом, но вне казенности, которая принуждает к приспособленчеству. Ориентированный всем классичным в литературе и искусстве на действительность, как на исходную платформу всего и вся, он достиг в своих произведениях бесспорных пределов правды. Чем могущественнее, взрывней, неожиданней события, тем точней, многострадальней, необразимей отражаются впечатления. Чувство бессомненности его правды у меня возникло, едва я прочитал взятые у Татьяны Леонидовны рассказы Германа «Была весна», «Дума о Калашникове», «Колыбельная» и главы из неназванного романа.

Я полюбил этого писателя: пре-

дельно честен, мужественен, приметлив, умен. Я осознал, что он не может не служить людям. Он достоин их внимания как личность, вобравшая в душу период черной

Война с немецкими фашистами и европейскими их приспешниками во многом остается незапечатленной

ночи в его определяющих проявлениях. Герман оказался на редкость глубоким, строгим, бесстрашным летописцем начального времени Великой Отечественной войны и долгой фашистской оккупации. В его стиле счастливо слились языковая простота, песенно-былинная, разговорная мелодика, картинность в традициях Тургенева, психологические подвиги типа ранней прозы Льва Толстого, чеховской прозрачности.

Короткий век мастера

Второе творческое рождение Германа Занадворова ознаменовалось публикацией его рассказов «Была весна» в газете «Магнитогорский рабочий», передачей «Думы о Калашникове» по радио Челябинска. Чуть позже журнал «Уральский следопыт» напечатал его довоенные новеллы «Петля» и «Тимофеев камень». В апреле 1963 года в журнале «Огонек» увидел свет его рассказ «Увертюра».

Я обнаруживал замечательного прозаика от истоков до завершения. Прожил он всего-то тридцать три года. Но, как бывает у писателей, которым намечено покинуть сей мир молодыми, они начинают

творческое предназначение мастерами. И не просто мастерами: художниками, мыслителями обширного видения, в котором ясно наличествуют нравственные подробности — от поведенческих мельчайших оттенков до макрозначимых для целых народов. Во всем этом особо выделяется истовый, по-юношески ласковый гуманизм, сопредельный самым сущим надеждам личности и человечества. И чтобы он не изображал: материнство («Колыбельная»), юридическую скрытность («Увертюра»), святую веру, слитую с непониманием («Молитва»), красоту преданности, сопряженную со стихийностью без предвидения («Была весна»), неуловимость мстителя, возведенную до сказочности («Дума о Калашникове»), — все это проникнуто сострадательной нежностью, доблестным уважением, плачем о несправедливых муках, ведущих дорогами жестокости к скорбям, где при безысходности не замирает цвет надежд и веры.

Чтобы состоялась читательская жизнь рассказов Германа Занадворова, я уделял их устройству немало времени. Рассылка почтой обычно затягивала решение судьбы произведений существующих писателей. Я в этом смысле был везуч, но и у меня случались незадачи. Руководитель моего семинара в Литературном институте Валентин Катаев, назначенный главным редактором журнала «Юность», в личных своих письмах просил мои рассказы. Я посылал их и получал его отрядные письма: приняты, напечатает. Одна-

ко они не обозначались в «Юности» и, по нетерпению, я посылал те же рассказы в другие журналы, давние, более значимые, и они выскакивали там. Что же касается рассказов Германа Занадворова, моя охота скорей увидеть их опубликованными была еще нетерпеливей, и я ехал из Магнитогорска в Челябинск, Свердловск, Пермь, Москву.

Дневник, спрятанный в навоз

Воспроизведение дневника, который Герман Занадворов вел в оккупации, сперва осуществлялась быстро: Татьяной Леонидовной, тремя ее детьми — Натальей, Владимиром, Михаилом и частью ее студентов, потом оно замедлилось, ибо, проверяя их работу, я обнаружил, что требуется и сверка, и дополнительная расшифровка, чем и занялся я сам, осознав исключительную ценность дневника.

Это ведь не просто литературная хроника с главным героем, ее летописцем, русским человеком двух эпох, царской и социалистической, а еще и документ истории, единственный на Украине, — под немцем там были десятки миллионов советских граждан, но больше никто не запечатлел с величайшей честностью их существования, — мучительных страданий, краха освободительных надежд, связанных с приходом фашистов, верой в победу истинных советских людей, и даже тех, кто поначалу переметнулся внутренне и делами на сторону захватчиков.

Не меньше трех лет я корпел над дневником, не обходясь без линзы. От перенапряжения сосуды лопались в глазах. Никогда после такими кровавыми не были мои белки. Записывал Герман остро, до игольчатости отточенным простым карандашом, на изжелта-коричневых, в занозах, бланках. Он знал через подпольщиков прошлого, что материалов, сохраннее грифельных начертаний простого карандаша, нет. Дневник, спрятанный им в навоз незадолго до прихода Советской Армии и откопанный его тестем с ее возвращением, спасся даже при микроскопичности текста.

Бывая в печатных органах, я договаривался о публикации отдельных вещей, а также сборников. Дневник, переданный мною в журнал «Урал» замечательному прозаику и публицисту Виктору Александровичу Старикову, увидел там свет в трех полновесных номерах. Название ему дал благородный щедродей — тот же Виктор Стариков. Публикация прошла без сучка, без задоринки. Когда, однако, я договорился об издании книги Германа Занадворова в Челябинске, журнальные публикации иногда обесценивались произведениям спасительного легкого пути, — возникли препятствия. Цензурой Челябинской области руководил, официально — Главлитом, — некий Вилен (имя, образованное от сокращения «Владимир Ильич Ленин»), фамилию которого я запомнил. Вилен и раскошегарил нападки на книгу, прежде всего на дневник, обретшую журнальное название.

Продолжение следует

> Обвинение в покушении на власть: «Владеет пером». Станислав Ежи ЛЕЦ